

Копипаста:Creery:На объекте — Lurkmore

Родился я и жил долгое время в одном из закрыто-секретных городов Союза, в каком именно — значения не имеет, скажу лишь, что антураж был соответствующий: городок стоит совершенно посреди леса, образуя собой своего рода опушку; выехать нельзя, по городу снуют солдаты внутренних войск и советская милиция, в свидетельстве о рождении записан совершенно другой город, и, блин, всегда просто до ужаса пасмурно — как будто ходишь в солнцезащитных очках. Сейчас я могу сказать, что все это компенсировалось тем, что, в частности, материальное снабжение было налажено как нужно: на прилавках всегда была вареная колбаса и туалетная бумага.

Ну да ладно. Было мне 13 лет, когда в очередной раз я и мой друг Колян пошли по грибы, взяв спички, топорик и корзинки. Ближе к вечеру мы еще в леске сидели вблизи от ровного прямоугольного пространства, свободного от деревьев — этакая просека, что ли. Поговаривают, там был стрелковый полигон. За ним, это мы точно знаем, был еще лес, где стояли какие-то странные хреновины, в которых сидели вояки. Идти туда не было смысла — развернут домой. Мало того, к тому времени корзины лопались от тяжести, а костерок уже слабо курился.

И вдруг, блядь, на землю опускается та самая стремная темень, от внезапности появления которой даже в черте города говенька подкатывается поближе к заднице. Идешь, бывает, по улице из школы, пасмурно, как обычно. И тут вдруг становится несравнимо темнее, поднимается ветер, в лицо летит песок, на небе всплывают тяжелейшие облака, и у прохожих лица становятся ужасно угрюмыми. Вот такая шняга застала нас в лесу. Ладно, в лесу — но чистая степь полигона делала обстановку еще более жуткой. Я повернулся направо, и знакомая дорожка через лес улыбнулась мне лучиком повседневного уюта... Ага, конечно. В ту же секунду Колян неистово двинул мне по плечу, заорав что-то неразборчивое. Я обернулся. «Твою ж нахуй мать», - только и мог я думать. Полигона и всего за ним не было. Не было в принципе. Вместо них был черный цвет. До ужаса черный. «Мда, жопа какая-то с погодкой сегодня творится», - поднимаясь на трясущихся коленках, пытался думать я. Вдруг Колян схватил меня сзади за волосы и направил мой взгляд вверх, в небо. А потом ровно под ноги. То, что я осмыслил и связал с собой, заставило подпрыгнуть на метр в высоту, честное пионерское. Сверху застыл какой-то шар, покрытый белыми и черными полосами наподобие зебры. То, что данный раскрас образовывал собой ужасающую физиономию наподобие фантазий пьяного сатаниста — это дошло до меня еще через секунду, отчего собиравшееся захотелось неимоверно. Но самое ужасное — я понял, что черный цвет отчетливо двигался, собираясь коснуться носков моих кед. Собрав все факты воедино, я синхронно с Коляном то ли заревел, то ли заорал, и бросился наутек. Судя по звукам сзади Коля ебанулся прямо в костерок, но мне было совершенно параллельно на него.

Я не помню, сколько прошло времени и как я пришел в себя, стоя около одинокой бетонки посреди леса — той единственной пуповиной, которая соединяла нас с остальным Союзом. То, что я увидел, заставило меня убедиться, что увиденное — не результат переутомления. По дороге растянулась едущая на высокой скорости мотострелковая колонна. Военный автоинспектор с огромной красной звездой на белой каске, шедший сразу перед командирским бронетранспортером, из окна уазика махал флажками. А в хвосте колонны тянулись такие диковинные машины, которых я никогда не видел.

Я молча побрел вслед этой технике. Опять же, следующее, что помню — стою возле здания горкома и наблюдаю картину ужасной суматохи. Во-первых, здание и некоторая прилегающая к нему территория была окружена морскими пехотинцами в черных бушлатах, стоящих лицами внутрь круга. Вход в само здание был перекрыт двумя черными волгами и стоящими рядом людьми в штатском и с «калашниковыми». Прямо рядом со мной генерал в форме с голубыми петлицами орал в трубку, торчащую прямо из багажника грязноватых «жигулей»:

-Мне нас-рать! Взлетят, и не одна, а две эскадрильи! Повторяю: взлетят!

Я было пошел дальше, но тут ко мне подошел какой-то домоуправляющий со смежной улицы — не помню, как его звали. Он вывел меня из кольца, и мы пошли по улицам испуганного города. Вдруг в воздухе раздался вой сирены — я его слышал в фильмах, а здесь — никогда. Вскоре, услышав лягания крутящегося засова, я оказался среди таких же ничего не понимающих жильцов в бомбоубежище. Не знаю, сколько времени прошло, но я не смог закрыть глаз. Может, прошло несколько часов. Или два дня. Но вскоре домоуправляющий сказал, что из радиоточки передали, что можно выходить. Отперев тяжеленный засов, мы начали выходить. Обычное утро, рассвет. По площади расхаживают гаишники с автоматами. А я шел, боясь поднять голову вверх и увидеть зеброидную физиономию, будто зверский оскал на чьей-то голове. Я дошел до дома, открыл дверь. Меня ждали объятия родителей. Сказал, что все расскажу потом.

Когда они вернулись с работы, а я из школы (где нам сказали о том, что проводились широчайшие по размаху всесоюзные военные учения за последние 15 лет), я рассказал маме обо всем. И вдруг, будто поняв, что что-то забыл, сказал: «А Колька-то где?». Мама сказала, что тетя Зина (а моя мать и Коли были подругами) завтра пойдет в милицию.

Итак, неделя прошла спокойна. Все развеселились, и во всем городе появился весело-боевой коммунистический настрой. Но не я. Потому что ровно через неделю мама, взяв отгул, повела меня в

больницу к Коле. Он лежал весь перемотанный кровавыми бинтами. Я, взглянув в его черные, не имевшие никакого выражения глаза с растянутыми в улыбку губами, сказал: «Кольк!» Он только повернулся на другой бок. Тетя Зина хрипло сказала: «Он ни с кем не разговаривает. Не только с тобой. А они ничего не хотят рассказывать. Говорят, что он был утыкан какими-то железяками».

Итак, в моей жизни поселился постоянный страх и депрессия. Мои одноклассники не понимали, что я такой хмурый и не хожу играть в футбол.

Через два месяца мне вроде стало нормально. Но я услышал новую весть. Колян, только что выписанный из больницы, дома прошел сквозь стену и не вернулся. «Сижу я ночью, читаю. И вдруг вижу — Колька идет, вроде в уборную. Посмотрел на меня, покрутил головой. И вроде в дверь вошел. Полчаса его нету, час. Открыла дверь — там никого», - только и рассказала Зинаида Алексеевна.

После школы я, вместо того чтобы идти домой, пошел к полигону. Когда я дошел, страха не было. Но что-то здесь кардинальным образом изменилось. То ли желтый цвет был более желтым. То ли комаров больше. Случайно посмотрев вниз, я увидел угольки того самого костерка. И тут меня пронзила такая тоска, такое отвращение к жизни, что захотелось бросить ранец и уйти. Все равно куда. Но я сглотнул, развернулся и пошел домой. Потому что я знал, что коммунисты — люди будущего. Что меня ждет работа, семья, черт побери, даже тачка-дача-собачка... Черт, ради этого, определенно, следует жить!== Читать ещё ==

- [Mortal Kombat](#)

Читать ещё

- [Понт](#)